

Это было более двадцати лет назад. Я был еще совсем «зеленым», начинающим дипломатом, когда приехал в небольшое посольство СССР в столице Швейцарии Берне. Немало не забывая о том, выплыву ли, сразу бросили на глубину: назначили атташе и по культуре, и по печати. Перебивался, как мог. Учился языку и дипломатической работе, этикету и азбуке общения.

Осень 1969-го в Берне... Год назад была похоронена Пражская весна, настрой соответствующий. Во время первого приема, кажется, в посольстве ФРГ, посол Чехословакии, заметивший новое лицо в небольшой группе бернских дипломатов, с широкой улыбкой протягивает визитную карточку. Когда меня представили, в его глазах сразу погас интерес: «А, из советского посольства...». Недели через две в посольстве СССР — встреча с чехословацкими дипломатами. Посол Шайфер произносит волнующую речь о дружбе наших стран, выдержавшей не легкие испытания... Еще через неделю — сенсация в местных газетах: посол ЧССР попросил политического убежища в Швейцарии...

7 ноября — традиционный прием в советском посольстве. После акции стран Варшавского Договора в Чехословакии охладели отношения между Швейцарией и СССР: на прием не явился ни один из семи швейцарских министров, на более низком уровне были представлены и официальные круги, и дипломатический корпус. Но все же в старинной вилле у бурной Арес знаменитостей было достаточно.

Из Эпаланжа приехал сам Жорж Сименон. Он в центре внимания, все хотят пожать ему руку, поговорить с ним. Но писатель берет с подноса бокал грузинского вина и удаляется в угол, держится в стороне. Невысокий, ничем особым среди других не выделяется. Обменивается репликами со знакомыми и одновременно наблюдает за происходящим в зале. Спокойный, доверчивый взгляд. Вдруг в нем прочитывается — а может, просто писатель отождествляется с героями его романов? — немое: «Я все про тебя знаю...». Во всяком случае, появляется такое ощущение.

Потом мы по разным поводам звонили в Эпаланж Ж. Сименону, где он устроил «машину» для работы и жизни, как сказал Борюбузе, — чрезвычайно удобное жилище, до мелочей приспособленное к характеру его владельца.

Я читал Ж. Сименона. В отличие от книг Агаты Кристи или Я. Флеминга, у которых минимум лексикой и все закручено в спираль интриги, они не годятся для изучения иностранных языков. И в цикле о Мегрэ, и в «тяжелых» романах Сименона с его героем встречаешься тогда, когда он выбит из седла, когда лавина потрясений сметает весь этот кажущийся, на беглый взгляд, солидный, спокойный, образ жизни. Один философ сказал, что в человеке непременно сидит либо герой, либо преступник. Сименона обычно интересует последний случай.

И все же я по-настоящему заинтересовался Жоржем Сименонем, лишь когда узнал его жизненный девиз. С тех пор ловил уже каждое его слово, следил за книгами, старался сблизиться с людьми, хорошо его знавшими.

В своей книге «Швейцарские пирамиды» я писал об этом девизе.

Жорж Сименон — настоящий человек. Много прототипов есть у хмуроватого и справедливого комиссара Мегрэ («Добродушный комиссар, его любовь к людям, я взял у своего отца», — говорит писатель), но главный — Сименон. «Понять, а не осуждать» — вот девиз Сименона (и Мегрэ), постараться углубиться в каждое падение, трудность, трагедию, вспомнить, что ни одно человеческое качество — будь то лучшее или худшее — не чудно ни одному смертному; то или иное всплывает на поверхность в зависимости от условий, характера, обстоятельств... Нужно понять эти обстоятельства, характер — и не судить, а оправдать, если это возможно.

«Неважно, каков ты в действительности. Важно лишь то, каким кажешься другим», — говорят те, кто претендует на звание философа. Сименон с этим категорически не согласен. Каждый человек, отмечает он, таит в себе, как русская матрешка, своего двойника. Один облик человека в костюме или платье — одетый, другой — обнаженный. Вот этот обнаженный и есть настоящий — человеческая суть. Облик в одежде — это желание таким выглядеть, созданием самим человеком легенда о себе, — обман. Сименона интересует обнаженный человек, истинный — вместе с ним он внимательно

и понимающе заглядывает в бездонный колодезь души.

Добродушный, круглолицый комиссар Мегрэ в длинном плаще, такой, каким он предстает в памяти к этому литературному персонажу в Голландии, наверное, мог бы повторить слова Сименона: «И чем ближе я приближался к старости, тем чаще выступал «против». Я бы сказал: почти против всего. Не тронутым остался только человек. Надеюсь, что могу, как и прежде, в него верить».

Ю.-В. ПАЛЕЦКИС

ЖОРЖ СИМЕНОН: «ПОНЯТЬ, А НЕ ОСУЖДАТЬ»

Все это поразило меня, оттого, что в Швейцарии услышал почти те же слова, что прозвучали в Вильнюсе, в годы моей юности. «Так ты остаешься верен своему вечному девизу — всех понять и, если возможно, оправдать...» — с легким укором и вместе с тем как бы предвидя ответ, спрашивала мать. «Остаюсь», — спокойно и твердо отвечал отец.

Мне, тогдашнему журналисту «Комьяунимо тесы», этот девиз казался, мягко говоря, странным, не очень современным. Нетрудно представить, с какой подозрительностью могли быть встречены действия, совершенные под влиянием такой установки в Литве сороковых или пятидесятих годов... Покойный ныне историк Рокас Малюкявичюс в 1981 году рассказывал: нам, комсомольцам послевоенных лет, твой отец запомнился как «белая ворона». Тогда в ходу были принципиальность, твердость, уверенность в своих классовых позициях. А в поступках, речах Ю. Палецкиса мы видели и чувствовали совершенно иное — желание углубиться, понять, поддержать, чувствовали человечность и терпимость... Но я тогда не сказал Рокасу Малюкявичюсу об отцовском девизе, совпадающем с девизом Жоржа Сименона, — еще лет десять назад он звучал слишком необычно, по-христиански.

Итак, уже тогда, рассказывая о Ж. Сименоне, я имел в виду странное, на первый взгляд, совпадение. Что же привело Ж. Сименона именно к такому пониманию жизни?

1903-й — год его рождения. Бельгия. Льеж. Прадед — шахтер, дед — скорняк, отец — мелкий служащий. У матери было тринадцать братьев и сестер, у отца — четырнадцать. Целый полк шумных дядьек и теток вызывал любопытство наблюдательного мальчика. Ему девять лет, мать открыла домашний пансион для студентов — и снова полон дом будущих юристов, медиков, снова дискуссии и стычки.

Слушая горячие споры студентов — о политике, праве, медицине, он заинтересовался проблемой взаимоотношений рядового «маленького» человека с окружающей средой, законом. По Бельгии пронеслась война — и в доме опять новые люди: мать приютила брошенных немцами пленных из разных стран. А когда ему исполняется четырнадцать лет, рождается мысль: «Я буду писать!». Она все более захватывала все его существо: «Буду писать о столкновениях человека с судьбой». Судьба — это и общество, и семья, и законы, и его собственная совесть... «Для таких моих книг нужен человек, который был бы своего рода врачом, но не тела, а души, пытался бы отдалить несчастье, удержал бы от неверного шага...». В пятнадцать лет он пишет первый роман — пока только для себя.

Никаких школ, кроме литературных, он не кончал. Окончил лишь несколько классов неустойчивого колледжа и, устроившись репортером в рядовой газете, окунулся в во-

зучению ее изнанки. Через некоторое время стал ведущим репортером, получил допуск ко всем расследованиям, арестам, посещал тюрьмы, спал с бродягами, подставлял газету на вентиляционную решетку, разгружал овощи на ночном рынке, попивал вино в разных бистро.

Следующий этап — середина 20-х годов. Парижская публика с жадностью прочтывает однодневные «Популярные романы» в дешевенном тонком переплете. «Я, пожалуй,

ничего не знаю о будущем романа, даже сюжета, — Сименон, вероятно, сотни раз показывал гостям свой рабочий кабинет, неоднократно рассказывал о том, как он работает. Но этого не чувствуешь. Он говорит просто, дружески. — Знаю лишь, что на неделю прощаюсь с нормальной жизнью.

На эту неделю в кабинете наглухо зашториваются окна, постоянно горит лампа, покрываемая неярким круглым абажуром. Запираются парадные

циально-психологических романа и девятно восемь из цикла о Мегрэ. Общий тираж книг — свыше 500 миллионов экземпляров. Они переведены на языки сорока четырех стран мира — по числу переводов превосходят творчество любого другого писателя всех времен. По мотивам этих книг поставлено 352 кино- и телефильма.

24 сентября 1972 года, незадолго до своего семидесятилетия, Жорж Сименон предпринял еще один внезапный шаг в своей пестрой жизни. Он поставил последнюю точку как романист, продал роскошную «машину» для жилья и переселился в четырехкомнатную квартиру в Лозанне. «Перед тем, как решиться на раздел, я принимал очень много сильнейшего успокоительного... После 55 лет литературной работы труднее писать и потому, что нужно все более углубляться в человека, а это не проходит даром.

В 1983 году, когда Жорж Сименон отмечал свое восьмидесятилетие, пути дипломатической службы вновь привели меня — на этот раз на несколько месяцев — в Швейцарию. Хотя я неоднократно бывал в Лозанне, у нас не было повода встретиться. Я знал, что Ж. Сименон сдержал слово — он писал, диктовал только воспоминания, к романам не возвращался. Выходил на прогулки, слушал классическую музыку.

Я снова беседовал с журналистами, которым часто доводилось общаться с писателем, они попадали к нему уже без труда. И опять параллель — не было случая, чтобы отец, как бы ни был занят, отказался встретиться с коллегами-журналистами. А Ж. Сименон говорил так:

«Мои произведения не столь уж воспитательны... Я всегда старался помочь человеку. Лучшее всего мог это сделать словом. И в романах, и в других книгах старался изобразить события так, чтобы человек, читающий их, чувствовал моральную поддержку, проблеск надежды. Я считал, что уважение к каждому человеку — важнейшая норма человеческого общения. Можно обидеть человека, однако отнять у него самоуважение — величайшая подлость, ужаснейшее преступление перед человеческим достоинством».

Журналисты подметили, что Сименон разговаривает охотно и не торопясь, подробно отвечает на каждый вопрос. То ли времени стало больше, то ли улучшилось отношение к репортерам! Он говорит:

— Я всегда уважал и уважаю собратев по перу. Я начинал журналистом и никогда не забуду, как один господин, у которого мне предстояло взять интервью, захлопнул дверь перед моим носом. Мне часто хочется побить одному, но отказаться от беседы с журналистом, особенно после переезда в Лозанну, не могу. Мне вообще трудно сказать «нет». Однажды журналист лондонской «Дейли Экспресс» спросил, можно ли задать нескромный вопрос. Пожалуй, говорю, постараюсь ответить на него, как и на все остальные, искренне. «Вы влюблены в себя?» — «Я себе неприятен», — ответил я коротко, и эти слова часто пестрели потом на газетных страницах. Он не решился спросить, почему. А причина проста: я стыжусь той жизни, что мне выпало прожить, когда пришел успех, когда я, сам того не желая, стал человеком общества вроде политика или актера. Я стыжусь того, что привык к комфорту, роскоши

И еще одно совпадение в судьбах людей, у которых был схожий жизненный девиз. В начале сентября прошлого года, в пору объяснений по поводу моей подписи на Готланде, я дал интервью газете «Советская Россия». Подыскивая аргументы, я тогда впервые в печати сказал о тех двух, на первый взгляд, очень разных людях, живших в разных государствах, при разном общественном строе, которые в своем отношении к жизни, людям старались не осуждать, а углубиться, понять, найти что-нибудь оправдывающее... Меня не поняли. Из разных мест России я получил осуждающие, обвиняющие письма, одно из которых звучало, как стихотворение: «Эгоист, карьерист, националист, профан от марксизма-ленинизма...». Впрочем, это отдельная история.

А 6 сентября в Москве я ездил в редакцию «Советской России» читать гранки с упомянутым интервью. На обратном пути, в метро, подумал, что давненько ничего не слышал и не читал о Ж. Сименоне. Интересно, как у него дела?

На другой день в «Правде» прочитал информацию из Швейцарии. В ней сообщалось о кончине наиболее читаемого сейчас писателя. Человека, который стремился понять другого человека, верил в доброе начало в нас.

«Я ведь взваливаю на себя все ужасы, что происходят с героем, тем самым как бы проживаю еще одну жизнь», — говорил Ж. Сименон.

дворот жизни, приступил к придумкам бы не хуже», — решает Сименон, и в 1924 году выходит его первый роман «Машинистки», подписанный псевдонимом. За пять лет — семнадцать псевдонимов, триста романов. Сам автор никогда не ценил их слишком высоко.

1929-й. Париж помешан на приключенческих романах Г. Уэллса, А. Кристи. И опять — «А может, и мне!». Вспоминает Балзана — тогда нотариус, духовник, врач мог пробиться в любые круги, в любые семьи, узнать все тайны, а сегодня то же дано полицейскому. Первый роман, в котором действует комиссар Мегрэ, написан в крохотной каюте яхты в голландском городке Делфзейл. Потом — еще несколько. «Это ведь по сути не детективные романы», — сказал мне издатель. — «Вопервых, они не сконцентрированы на одной проблеме. Вторых, главный герой — простой полицейский. Не красавец и не супермен. И остальные персонажи — не очень добрые и не очень злые люди. Нет любовной интриги. И все плохо кончается...». Я подумал, что издатель вернет рукопись, но он сказал: «Пришлите мне ежемесячно по такому роману, но я осласюсь, что это кончится для меня катастрофой...».

Катастрофы не произошло, пришло признание. Имя Сименона, уже настоящее, а не псевдоним, обрело популярность. «Мегрэ» показал, что и я что-то могу, но это еще не «столкновение», — говорит писатель. И вот в тридцатые годы выходит первый роман из «тяжелых», как он сам их называет, — «Дом на канале».

Все! Можно садиться за стол и писать, писать! Нет, еще не хватает взгляда на современника в разных странах, разных кругах. Поэтому писатель вновь берет в руки дорожный посох: «Я не выношу туризма. В моих романах почти отсутствует экзотика. Мне кажется, что, где бы ты ни жил, дерево всегда останется деревом, как его ни называть. Я не выискивал чего-то нового. Наоборот, повсюду искал в людях общее, вечное — некую константу, как сказал бы ученый». Сименон совершает кругосветное путешествие, отправляется в разные края. Был и в СССР, на берегу Черного моря. Отправляется в Африку по следам одного из своих профессоров литературы Конрада. Крупный парижский журнал заказывает ему серию статей на тему «Что дала Африке французская цивилизация». Сименон, исколесивший континент, отвечает ясно и с горечью: «Поработать никогда не поймет духовного мира порабощенной цивилизации без этого любая цивилизация есть фикция, и подмена первобытного рабства более совершенной эксплуатацией».

Когда я в 1973 году написал все это, то понял, что могут возникнуть определенные аллюзии. Редакторы «Ваги» тоже не были склонны вычеркивать — ведь речь шла об Африке... А вот как работал Ж. Сименон.

Небольшая комната. На специально отведенной полке разложена коллекция редких трубок. Длинный стол без ящиков, словно скамья, на нем пепельница, спички, красная коробка с бумагой, очки, электрическая пишущая ма-

шинка.

— Садясь за машинку, я еще двери, отключается телефон. Домочадцы ходят на цыпочках, разговаривают шепотом. Работает Сименон с восьми до одиннадцати, потом — с трех до шести. Остальное время прогуливается на свежем воздухе, плавает в бассейне, но делает это все как во сне.

И так — семь дней. Не девять и не двенадцать. Сименон привык работать только так — не снижая темпа, не выходя из необычайной концентрации, ускоренного распорядка, когда его электрическая машинка лихо отбивает драб, словно пулемет новейшей конструкции. Если что-то отвлекает — как это было несколько раз, когда серьезно заболели дети, — роман так и остается незавершенным... Закончив книгу, он не имеет ни малейшего желания прикасаться к ней — кажется, что ничего не получилось, полная мелуха.

После такой необычайной недели Сименон неделю отдыхает, старается избавиться от образов и персонажей. Затем снова четыре дня работы — свежим глазом просмотреть текст, кажущийся уже не столь неудачным, — роман как роман. Что-то сокращает. Правит мало, но за эти четыре дня опять очень утомляется. Затем отдает кучу листов бумаги двум секретаршам, те перепечатывают и отправляют роман в крупнейшее издательство разных стран. Больше к своему творению Сименон не возвращается.

В Эпаланже это повторяется регулярно, четыре раза в год: три социально-психологических романа, требующих большой нагрузки, и один полегче — из цикла о Мегрэ. «Вот так работает «фабрика Сименона»... Роман «выпекается» ровно за одиннадцать дней. Можно только позабыть — две недели работы за три месяца...» — поздравляет кто-нибудь. Но эта легкость кажущаяся: не говоря уже о нечеловеческом напряжении духовных сил, эти одиннадцать дней еще долго не отпускают Сименона. «Я ведь взваливаю на себя все ужасы, что происходят с героем, тем самым как бы проживаю еще одну жизнь, ограниченную в пространстве и времени стенами кабинета. Выходя по вечерам из кабинета, я вынужден менять одежду, втягивая от пота. Ежедневно везу в весе по килограмму...» — говорит Сименон.

А вот еще одно весьма интересное признание писателя, который последний роман своего современника прочитал в 1929 году. С тех пор — только классику, мемуары, научные труды.

«Я не просматриваю даже корректуру своих романов. Все, что уже написано, несомненно больше со мной, как выходящий лист с деревом. Не смотрю и фильмов, созданных по моим романам. Если бы вдруг увидел на экране Мегрэ таким, чем я его себе представляю, это здорово помешало бы в дальнейшей работе. И вообще, кому хочется видеть собственное детище после капитальной пластической операции, полностью изменившей его лицо! Поэтому не по мне видеть даже самого прекрасного актера в роли одного из героев, созданных моим воображением».

Жорж Сименон написал сто тридцать два «тяжелых» со-